

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 3 (88). С. 28–34.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 3 (88):28–34.

Научная статья

УДК 94(47).084.6

DOI 10.37724/RSU.2025.88.3.003

Чистка или ревизия? Контрольные функции Особого отдела ОГПУ Морсил Балтморя в первой половине 1930-х годов

Дмитрий Алексеевич Малюченко

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

dimetv1997@mail.ru

Аннотация. Особое положение органов государственной безопасности, которое они занимали в сталинской системе власти, нередко приводило к значительному расширению их полномочий и правомочий. Среди таковых — осуществление спецслужбами обследований, проверок и контрольных мероприятий в различных сферах жизни общества. В полной мере это относится и к деятельности органов военной контрразведки — особых отделов ОГПУ, осуществлявших контрольные функции в военном ведомстве. К сожалению, эта часть функционирования особых отделов не получила должного внимания исследователей, особенно в работе на уровне отдельного военного округа или военно-морского флота. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов, главным образом из фондов Российского государственного архива военно-морского флота, проводится анализ и сравнение итогов серии контрольных мероприятий Особого отдела ОГПУ Морских Сил Балтийского моря в первой половине 1930-х годов. В своей совокупности приведенные примеры охватили несколько составляющих жизни военного флота, а потому существует возможность провести всестороннее изучение деятельности военной контрразведки с целью определения отличительных черт осуществляемого контроля. В поле зрения особистов попадали и проведение учений, и реализация учебно-боевого плана, и медицинская служба, и, конечно, настроения краснофлотцев. По результатам исследования выявленных документов делается вывод о том, какое значение играла информация, собранная сотрудниками Особого отдела, и в какой мере результаты обследований становились поводом для чисток личного состава Балтийского флота.

Ключевые слова: Особый отдел ОГПУ, военная контрразведка, Балтийский флот, чистка личного состава, политический контроль

Для цитирования: Малюченко Д. А. Чистка или ревизия? Контрольные функции Особого отдела ОГПУ Морсил Балтморя в первой половине 1930-х годов // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 3 (88). С. 28–34. DOI: 10.37724/RSU.2025.88.3.003.

Original article

Cleansing or revision? Control functions of the Special Department of the OGPU of Baltic Navy in the first half of the 1930s

Dmitry Alekseevich Malyuchenko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

dimetv1997@mail.ru

Abstract. The special position of state security agencies in Stalin's administrative system often led to a significant expansion of their powers and authority. Among these were the special services' methods of investigation, inspections, and control measures in various spheres of society. This fully applies to the activities

of the military counterintelligence agencies of the special departments of the OGPU, which performed control functions in the military department. Unfortunately, this part of the functioning of the special departments has not received due attention from researchers, especially in the work at the level of specific military and naval districts. Based on archival materials that are just now introduced into scientific circulation, mainly from the Russian State Naval Archive. We provide analysis and comparison of the results of a series of control operations carried out by the Special Department of the OGPU of the Baltic Sea Naval Forces in the first half of the 1930s. The cases investigated cover several aspects of the life of the Navy, making it possible to conduct a comprehensive study of the activities of military counterintelligence in order to identify the distinctive features of the control measures implemented. The Special Department also monitored military maneuvers, implementation of training and combat plans, medical services, and, of course, the morale of Red Navy personnel. Based on the results of the study of the documents, it is shown how important the information collected by the Special Department staff was, and to what extent the results of the investigations became a reason for purges of the Baltic Fleet servicemen.

Keywords: Special department of the OGPU, military counterintelligence, Baltic Fleet, personnel purges, political control.

For citation: Malyuchenko D. A. Cleansing or revision? Control functions of the Special Department of the OGPU of Baltic Navy in the first half of the 1930s. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 3 (88):28–34. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.88.3.003.

Введение

Согласно положению об особых отделах ГПУ, утвержденному в 1922 году, органы военной контрразведки в армии и на флоте имели своей главной задачей борьбу со шпионажем во всех его видах, с открытыми контрреволюционными выступлениями и разложением в Красной армии и на флоте [Политбюро и органы государственной безопасности, 2017, с. 135–136]. На первый взгляд положения закона означают участие советских спецслужб в строительстве вооруженных сил только с точки зрения противодействия наиболее опасным для власти видам преступлений — политическим. Однако в том же положении имеется пункт д параграфа 1, фиксирующий среди задач особых отделов «*выполнение специальных заданий Реввоенсовета Республики и Реввоенсоветов фронтов Армии и военных округов, в связи с сохранением интересов Красной армии и флота*» [Там же, с. 136]. Несмотря на то что де-юре действие указанного пункта было прекращено в 1931 году [Зданович, 2008, с. 680], есть все основания утверждать, что деятельность особых отделов как минимум в первой половине 1930-х годов на деле была гораздо шире пределов формальных положений ведомственного законодательства.

Проблематика степени участия советских органов государственной безопасности в военном строительстве Красной армии и флота нашла в отечественной историографии лишь фрагментарное отражение. Внимание историков часто приковано к изучению результатов оперативно-следственной работы военной контрразведки ОГПУ-НКВД в период массовых политических репрессий 1937–1938 годов, а также основным направлениям прежде всего боевой деятельности в годы Великой Отечественной войны. Совокупность многих работ пока не предоставляет возможности составления полной картины всего спектра практического функционирования органов военной контрразведки на протяжении межвоенного периода. Более того, исследований, в той или иной степени посвященных непосредственной роли армейских чекистов в контроле над положением дел в организации различных сфер военной жизни, совсем немного [Рупич, 2018 ; Рупич, 2019 ; Куваев, 2020]. По этой причине представляется важным обратиться к указанной проблематике предметнее и с привлечением архивного материала, позволяющего осветить их деятельность в 1930-х годах. Географическими рамками статьи является один из советских военно-морских флотов — Морские силы Балтийского моря (МСБМ).

Основная часть

Известно, что помимо задач по выявлению правонарушений и ведению следствия по ним, Особый отдел ОГПУ выполнял надзорные и контрольные функции, а также был представлен в коллективных органах управления флотом. Говоря о последнем, можно упомянуть один из подобных органов управления — институт военно-политических совещаний, существовавший

во всех военных округах и морях (флотах) в 1920–1930-х годах. Приходится констатировать, что в настоящее время нет крупных исследований, в центре внимания которых находилось бы изучение работы военно-политических совещаний на уровне командования отдельных округов. Тем не менее удалось выявить ряд источников, демонстрирующих основные направления работы данного коллективного органа управления. Важно отметить, что в условиях сосредоточения реальной распорядительной власти в Реввоенсоветах военно-политические совещания являлись своего рода площадкой для обсуждения наиболее насущных проблем жизни Красной армии и флота на местах. Будучи по своей сути органом коллективным, он выносил резолюции скорее рекомендательного характера, отражавшие выводы по итогам многостороннего анализа тех или иных вопросов жизни воинских формирований всеми заинтересованными сторонами. Неизменным участником заседаний военполитсовещаний были и представители особых отделов, чаще всего в лице начальника органа контрразведки.

В апреле 1930 года одно из заседаний военно-политического совещания МСБМ было посвящено рассмотрению состояния преступности и основных направлений карательной политики на Балтике. Тогда в резолютивной части протокола совещания среди прочего было указано на необходимость сосредоточения «судебной репрессии» на преступлениях, имевших непосредственное влияние на состояние дисциплины и боевой мощи Балтийского флота [РГАВМФ. Ф. Р-174. Оп. 2. Д. 127. Л. 12]. Одновременно с этим подчеркивалось, что особые усилия военно-судебных и правоохранительных органов на флоте должны быть направлены на наказание за преступления, являвшиеся отражением классовой борьбы в СССР [Там же]. Справедливости ради нужно отметить, что и без резолюции военного командования о применении классового подхода подобная оптика была характерной для сотрудников флотской контрразведки как «передового отряда партии». *«О затухании классовой борьбы мы не говорим, так как классовая борьба еще будет продолжаться, и ослаблять [ее] не мыслим»* [ЦГАИПД СПб. Ф. Р.-2470. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.], — заявил на собрании первичной ячейки Особого отдела ОГПУ МСБМ 26 февраля 1932 года начальник военной контрразведки Балтфлота В. С. Никонович.

Подобный взгляд, а именно упор на ликвидацию возможных проявлений деятельности антисоветских и социально чуждых элементов среди личного состава флота как главного источника деструктивных явлений в армии, можно назвать отличительной чертой не только в следственной работе военной контрразведки, но и при проведении обследований и проверочно-ревизионных мероприятий. В частности, отмеченное явление отражено в проверке освоения плана боевой подготовки флота. Результаты подобных контрольных мероприятий часто позволяли собирать массу разнообразных сведений, не только служащих базой для аналитической работы по совершенствованию организации военной службы, но и корректирующих чистки личного состава.

10 июня 1932 года сотрудники Особого отдела ОГПУ осуществляли контрольные мероприятия за ходом проведения учений в частях береговой обороны МСБМ. Согласно легенде тренировок, в штабе береговой обороны начсоставу соединений флота было объявлено о реализации мобилизационного плана личного состава. Первые недостатки оказались вскрыты уже при передаче оповещений о начале учений различных воинских частей. Так, в некоторые части шифрограмма из штаба береговой обороны была отправлена в искаженном виде, из-за чего позднее пришлось давать дополнительные разъяснения, а один из телефонистов 1-й центральной станции не знал абонентов для отправки объявления о начале учений [РГАВМФ. Ф. Р-34. Оп. 6. Д. 266. Л. 48]. Приведение в действие мобилизационного плана также обнажило ряд серьезных недочетов. Например, в частях ПВО совещание начсостава о начале учебной мобилизации было проведено только в 6 часов вечера (хотя объявление из штаба учений было получено не позднее 11 часов утра), а реализация мобилизационного плана не началась и к 21 часу 10 июня [Там же, л. 49]. На морском заводе в Кронштадте, где мобилизационным планом предусматривалось форсирование ремонта эсминца «Артём» и учебного корабля «Комсомолец», активизации работ не установлено, равно как не выявлено и исполнения иных мероприятий из ранее поступившего на завод плана действия в период мобилизации. Не было предпринято никаких усилий для оповещения населения самого города Кронштадта о начале учений и проведении мероприятий по химзащите, вследствие чего гражданские лица свободно перемещались по городу и таким образом становились жертвами потенциального химического поражения [Там же, л. 57].

В качестве серьезных недостатков и в ряде случаев их причиной по мнению Особого отдела становился «проблемный» личный состав. На форте береговой обороны «Шанц» был установлен факт работы сторожем Клементия Матвеевича Любора, открыто выражавшего недовольство политикой партии в деревне, а также имевшего сына, расстрелянного за участие в Кронштадтском восстании [Там же, л. 50]. Были собраны данные и по линии политического контроля, зафиксированные на собрании работников главного военного порта по вопросу учебной мобилизации и выпуску нового займа первой пятилетки. Так, трое командиров из главного военного порта Балтфлота в Кронштадте заявили: *«Научилась советская власть выжимать денежки с рабочих. Кто вот только придумал эти займы, и хитрый народ большевики каждую кампанию приурачивают к какой-либо тревоге или мобилизации...»* [Там же, л. 53].

Похожая история произошла и в ходе обследования строительного-ремонтных работ в Ленинградском военном порту летом 1932 года. Объем работ включал в себя реконструкцию завода мореходных инструментов, строительство зданий учебного отряда подводного плавания, Военно-Морского училища и Военно-Морского инженерного училища. При проверке строительства сотрудниками флотской контрразведки были выявлены, в частности, серьезный дефицит рабочих на строительстве (1500 человек вместо 2500 по штату), нарушение сроков и объема поставок необходимых материалов, ошибки в разработке планов работ [Там же, л. 83]. Основным выводом Особого отдела — фактический срыв срока окончания всех работ к 1 октября 1932 года — имел под собой четкое обоснование, и в целом причины неудовлетворительных темпов строительства носили объективный характер. Главная из них — недостаток финансирования: доклад особистов начался с указания, что изначально предполагалось выполнить работы на 4 млн руб., однако уже после согласования строительных планов предписанием из Москвы объем работ был директивно увеличен в 2 раза [Там же, л. 81]. Однако, несмотря на все это, один конкретный виновный был назван, и им стал начальник строительства Ленвоенпорта Кузнецов. По мнению оперативников Особого отдела, именно то, что начальник строительства не осуществлял контроль над распределением материала и не координировал работу между рабочими и заинтересованными организациями, по значению оказалось едва ли не важнее имевшихся материальных проблем. О том, наступили ли для Кузнецова какие-либо последствия, на данный момент неизвестно, однако его «безобразная» и «халатная» работа в конечном итоге была названа главным риском срыва срока окончания строительных работ [Там же].

Куда более явно «кадровый вопрос» был вынесен на первое место в ходе обследования состояния медицинского обслуживания частей ленинградской военно-морской базы и военно-воздушных сил (ВВС) Балтморя в июне 1932 года. Проверка оперуполномоченными Особого отдела ОГПУ Морсил Балтики среди прочего выявила неудовлетворительное отношение медперсонала к больным. В частности, был случай, когда главный врач Военно-морского училища имени М. В. Фрунзе Алексей Алексеевич Квашонкин называл всех обращающихся за медпомощью курсантов «сачками», из-за чего они перестали посещать санчасть даже в случаях явных признаков недомогания [Там же, л. 69]. Слабая работа по профилактике заболеваемости также приводила к существенным проблемам. Например, отсутствие вакцинации от тифа нового набора курсантов ВМУ весной 1931 года привело к вспышке паратифа: 40 человек болело, 1 скончался. В медобслуживании личного состава ВВС МСБМ были установлены серьезные нарушения, когда врачами ставился корректный диагноз пилотам, и давалось временное освобождение от полетов, но в угоду выполнения летного плана данное решение оспаривалось извне. *«Вы незаконно дали освобождение двум летчикам, мне из-за этого от комбрига грозят большие неприятности»*, — сказал врач авиабригады ВВС МСБМ Сергеев своему коллеге из 62-й авиаэскадрильи [Там же, л. 71]. Особым отделом также были зафиксированы случаи, когда обращающиеся с травмами и увечьями пилоты не получали надлежащей медицинской помощи и продолжали полеты в состоянии ограниченной годности, например вынужденного вождения самолета только одной рукой или с сильными головными болями. Безусловно, такие явления приводили к росту риска аварийности в частях флотских ВВС. Характерно, что один из погибших в авиакатастрофе 11 июня 1932 года командир воздушного судна Трусов даже имел рекомендацию сменить климат, однако командование авиаэскадрильи вопрос о переводе в другую часть так и не рассмотрело [Там же, л. 72].

Причин описанных недостатков называлось несколько: наряду с низким уровнем квалификации медработников, по мнению сотрудников Особого отдела, влияло и наличие у врачей «частной практики», то есть совместительства трудоустройства в нескольких лечебных учреждениях, которой

якобы препятствовала работа медиков в военных госпиталях [Там же, л. 69–70]. Но обратили внимание флотские чекисты и на социально-политические характеристики личного состава. Среди медперсонала ленинградского военно-морского госпиталя только 18 % сотрудников были членами партии или комсомола, а из 23 медработников ВВС Балфлота беспартийными были 20 человек [Там же, л. 76]. Кроме того, из всего состава медиков данных соединений флота 12 человек на момент проведения проверки проходили по различным разработкам Особого отдела [Там же].

Акцент на принятие прежде всего кадровых решений отражен и в полагавшихся мерах по изжитию выявленных недостатков. Среди прочего, Особый отдел предлагал «освежить» состав медработников военно-морского госпиталя не менее чем на 25 % за счет партийного медперсонала [Там же, л. 79]. Первые практические результаты проверки не заставили себя долго ждать: уже к моменту ее завершения был отстранен от работы и уволен с действующей воинской службы упоминавшийся выше врач Сергеев, который в дополнение к формальному отношению к делу еще и состоял до революции в Союзе русского народа, а его отец был расстрелян органами ЧК в годы Гражданской войны [Там же, л. 76]. Другой специалист — врач А. А. Квашонкин — также был уволен [Там же, л. 75], однако в дальнейшем на его службу это не повлияло. Медик прошел на флоте всю Великую Отечественную войну, дослужился до звания полковника медслужбы и был награжден двумя орденами Красного Знамени [Портал «Память народа»]. Помимо прекращения службы этих военных врачей их, как и всех остальных упоминавшихся в докладе о состоянии медобслуживания, объединяет одна деталь: приводимые факты неудовлетворительного положения дел были связаны главным образом с медицинскими работниками, находившимися в разработке военной контрразведки.

Отметим, что в изучаемый период на практике контрольные мероприятия нередко проводились после осуществления чисток в рядах военнослужащих. Применительно к первой половине 1930-х годов известно несколько случаев того, как Особым отделом ОГПУ МСБМ производились изъятия личного состава в различных частях флота. В частности, в июне 1932 года флотская контрразведка произвела аресты четырех краснофлотцев из подразделений Службы наблюдения и связи (СНиС) за проявленные антисоветские и антикомандирские настроения [РГАВМФ. Ф. Р-34. Оп. 6. Д. 282. Л. 53]. Однако этим внимание оперативников не ограничилось. Уже на следующий месяц, в июле 1932 года, в СНИС Балтфлота прошло обследование организации службы. Среди отмечаемых недостатков — крайне низкие темпы освоения учебно-боевой программы за первое полугодие, множественные самовольные отлучки краснофлотцев в город под видом ухода на вахту, а также фактическое отсутствие командирской учебы в частях [РГАВМФ. Ф. Р-34. Оп. 6. Д. 266. Л. 59]. Несмотря на проведенные ранее аресты военнослужащих, выступавших против командиров, сотрудники Особого отдела вновь констатировали наличие в СНИС нездоровой атмосферы, связанной с острой критикой командиров. И на этот раз виновными стали не рядовые, а комсостав, точнее говоря, конкретный командир — начальник Кронштадтского района СНИС Борис Алексеевич Мантуров. Своими подчиненными Мантуров критиковался за излишне строгие дисциплинарные взыскания, а вышестоящим командованием за то, что не во все свои решения посвящает военкома Службы и игнорирует информацию от партийных органов об отрицательных настроениях в свой адрес [Там же, л. 60]. Говорить о наступлении скорых последствий для Мантурова не приходится. Напротив, в последующем его карьера продолжится, он дослужится до звания капитана 3 ранга и займет пост начальника 5-го отдела Штаба Краснознаменного Балтийского флота, однако в августе 1937 года будет приговорен по обвинению в организации саботажа деятельности государственного учреждения, подготовке теракта и борьбе против рабочего класса в годы Гражданской войны [Многоязычное генеалогическое древо «Родовод», <https://ru.rodovid.org/wk/Запись:853356>].

Обследование организации службы и изучение личного состава после проведения чисток происходило и позднее. Так, Особый отдел ОГПУ МСБМ по указанию Революционного военного совета флота в течение первых месяцев 1933 года провел работы по выявлению «социально чуждых» элементов среди личного состава во 2-й авиационной бригаде ВВС МСБМ, в результате которой намечалось к изъятию порядка 120 краснофлотцев и лиц начсостава [Малюченко, 2021, с. 212]. Однако на фоне заметных трудностей в военном строительстве и проблемах в учебно-боевой подготовке в начале мая 1933 года во всех авиагарнизонах их командованием был проверен вольнонаемный состав аэродромных мастерских. Прямого указания на участие в данном мероприятии сотрудников флотской контрразведки нет, однако итогом проверки стал отсев по морально-политическим причинам 35 работников из 697 имевшихся [РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Т. 1.

Д. 605. Л. 63 об.], что косвенно указывает на возможность использования оперативных данных не только по линии партийных органов, но и по линии спецслужб. Более того, после описанной проверки был установлен строгий порядок: каждый прием вольнонаемного должен был предварительно согласовываться с Особым отделом флота [Там же].

Заключение

Сотрудники Особого отдела проявляли большую активность в проведении контрольных мероприятий по обследованию различных составляющих жизни военного ведомства. В ходе каждой из них особы обнаруживали значительные недостатки, что делало подобные проверки дополнительным источником информации для командования флота. Вместе с тем нельзя не заметить, что характерной чертой итоговой части большинства из обследований является персонификация ответственности, поиск виновных среди конкретных должностных лиц либо «социально чуждых» элементов, «пробравшихся» в краснофлотскую массу. Собранные сведения становились и важным инструментом осуществления политического контроля над военнослужащими. Информация органа, непосредственно реализующего чистки личного состава, в свою очередь также активизировала репрессивные действия контрразведки в форме изъятий со службы или даже арестов военнослужащих.

Список источников

1. Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия : Деятельность органов ВЧК-ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). — М. : Хистори Икс : Кучково поле, 2008. — 800 с.
2. Куваев Д. В. Роль контрразведки Тихоокеанского флота в укреплении Береговой обороны советского Дальнего Востока. 1939 г. // Шестые архивные научные чтения имени В. И. Чернышевой : материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Хабаровск : АмурПринт, 2020. — С. 310–317.
3. Малюченко Д. А. Роль Реввоенсовета флота в проведении чисток личного состава Морских сил Балтийского моря в 1933–1934 гг. // Герценовские чтения 2020. Актуальные проблемы русской истории : сб. науч. и учеб.-метод. тр. Всерос. науч. конф. — СПб. : Астерион, 2021. — С. 210–217.
4. Многоязычное генеологическое древо «Родовод». — URL : <https://ru.rodovid.org/wk/Запись:853356> (дата обращения: 02.02.2025).
5. Портал «Память народа». — URL : <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero91284479/?ysclid=m9dtgr8r5g232538206> (дата обращения: 20.01.2025).
6. Политбюро и органы государственной безопасности / сост., вступ. ст., коммент. О. Б. Мозохина. — М. : Кучково поле, 2017. — 800 с.
7. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). — Ф. Р-34. — Оп. 6. — Д. 266 ; Ф. Р-34. — Оп. 6. — Д. 282 ; Ф. Р-174. — Оп. 2. — Д. 127.
8. Российский государственный военный архив (РГВА). — Ф. 9. — Оп. 36. Т. 1. — Д. 605.
9. Рупич М. В. Контрразведывательное обеспечение частей и формирований РККА на Дальнем Востоке в 1920-х гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2019. — Т. 9, № 8 (53). — С. 1210–1218.
10. Рупич М. В. Основные направления деятельности особых отделов ОГПУ ОДВА в 1929 г. // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего исторического образования на Дальнем Востоке России. — Владивосток : Дальневосточ. юрид. ин-т М-ва внутр. дел РФ, 2018. — С. 408–411.
11. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). — Ф. Р.-2470. — Оп. 1. — Д. 1.

References

1. Zdanovich A. A. *Organy gosudarstvennoy bezopasnosti i Krasnaya armiya: Deyatel'nost organov VChK-OGPU po obespecheniyu bezopasnosti RKKA (1921–1934)*. [State security agencies and the Red Army: Activities of the Cheka-OGPU organs to ensure the security of the Red Army (1921–1934)]. Moscow, Khistori X, Kuchkovo Pole, 2008, 800 p. (In Russian).
2. Kuvaev D. V. The role of the Pacific Fleet counterintelligence in strengthening the coastal defense of the Soviet Far East. 1939. *Shestyye arkhivnyye nauchnyye chteniya imeni V. I. Chernyshevoy: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Sixth archival scientific readings named after V. I. Chernyshev: materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Khabarovsk, AmurPrint, 2020, pp. 310–317. (In Russian).

3. Malyuchenko D. A. The role of the Revolutionary Military Council of the Navy in carrying out purges of personnel of the Baltic Sea Naval Forces in 1933–1934. *Gertsenovskiy chteniya 2020. Aktual'nyye problemy russkoy istorii: sb. nauch. i ucheb.-metod. trudov Vseros. nauch. konf.* [Herzen Readings 2020. Actual problems of Russian history: collection of scientific papers and teaching aids of All-Russian scientific conference]. St. Petersburg, Asterion, 2021, pp. 210–217. (In Russian).
4. *Mnogoyazychnoye geneologicheskoye drevo "Rodovid"*. [Multilingual genealogical tree "Rodovid"]. Available at: <https://ru.rodovid.org/wk/Запись:853356> (accessed: 02.02.2025). (In Russian).
5. *Portal "Pamyat Naroda"*. [Portal "Memory of the People"]. Available at: <https://pamyat-naroda.ru/hero/person-hero91284479?ysclid=m9dtgr8r5g232538206> (accessed: 20.01.2025). (In Russian).
6. *Politbyuro i organy gosudarstvennoy bezopasnosti. Sost., vstup. st., komment. O. B. Mozokhina*. [The Politburo and state security agencies. Compiled, introduction, commentary by O. B. Mozokhin]. Moscow, Kuchkovo Pole, 2017, 800 p. (In Russian).
7. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voyenno-morskogo flota (RGAVMF). F. R-34. Op. 6. D. 266; F. R-34. Op. 6. D. 282; F. R-174. Op. 2. D. 127*. [Russian State Archives of the Navy (RGAVMF). F. R-34. Op. 6. D. 266; F. R-34. Op. 6. D. 282; F. R-174. Op. 2. D. 127]. (In Russian).
8. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenny arkhiv (RGVA). F. 9. Op. 36. T. 1. D. 605*. [Russian State Military Archive (RGVA). F. 9. Op. 36. T. 1. D. 605]. (In Russian).
9. Rupich M. V. Counterintelligence support for units and regiments of the Red Army in the Far East in the 1920s. *Voprosy natsionalnykh i federativnykh otnosheniy*. [Issues of national and federal relations]. 2019, vol. 9, iss. 8 (53), pp. 1210–1218. (In Russian).
10. Rupich M. V. Main activities of the special departments of the OGPU ODVA in 1929. *Kulturno-istoricheskoye nasledie Rossii i stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: issledovaniye i sokhraneniye: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 100-letiyu vysshego istoricheskogo obrazovaniya na Dalnem Vostoke Rossii*. [Cultural and historical heritage of Russia and the countries of the Asian-Pacific Region: Research and preservation: Proceedings of International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of higher historical education in the Russian Far East]. Vladivostok, Far Eastern Law Institute of RF Ministry of Internal Affairs, 2018, pp. 408–411. (In Russian).
11. *Tsentrallyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb). F. R.-2470. Op. 1. D. 1*. [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). F. R.-2470. Op. 1. D. 1]. (In Russian).

Информация об авторе

Малюченко Дмитрий Алексеевич — аспирант кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.
Сфера научных интересов: политические репрессии 1930-х годов.

Information about the author

Malyuchenko Dmitry Alekseevich — Postgraduate student at the Department of modern Russian history at the Institute of history of St. Petersburg State University.
Research interests: political repression in the 1930s.

Статья поступила в редакцию 22.04.2025; принята к публикации 29.05.2025.
The article was submitted 22.04.2025; accepted for publication 29.05.2025.